

0: ДАВАЙТЕ ДЕЛАТЬ СТАВКУ НА КУЛЬТУРУ

Публикуемая беседа проходила в доме «Культуры» в Мезон-Лаффите 15 апреля 1999 года. Мы записали ее на магнитофон для II программы Польского радио — как потом оказалось, это было одно из последних столь обширных интервью Ежи Гедройца. Это была и моя последняя встреча с главным редактором «Культуры», где я давно печатался, а последние несколько лет отвечал за литературный отдел. Как большинство его сотрудников, он давал мне инструкции и побуждал к работе по переписке, притом в последнее время и по электронной почте, — так было до самого конца. И до самого конца Гедройц был готов разговаривать — с людьми все более и более молодыми, представителями новых поколений, которым он пытался привить свое понимание мира, но которых при этом рассматривал как равноправных партнеров — тех, кому в будущем предстоит продолжать труд, возложенный им на себя вслед за своими предшественниками. В этом труде, стихией которого была политика, в центре неизменно стояла культура, в особенности литература. Этому-то в значительной мере и был посвящен наш разговор.

Л.Ш.

- Как вы думаете, существует ли в политической жизни сегодняшней Польши продолжение государственнической мысли? Вы бы могли указать кого-то, кто ее продолжает?

— Такого человека нет. Мне очень жаль... Надо бы подумать, но на первый взгляд — никого не вижу...

- А «Тыгодник повсехный»?

— Тоже нет. Я очень ценю «Тыгодник повсехный», но это трудно назвать продолжением государственнической мысли, потому что тема эта очень сложная. Для меня самое важное — это наша восточная политика и программа.

- На тему восточной политики пишет профессор Ежи Помяновский.

— Да, разумеется. Мы кое-что пишем на эту тему, но это глас вопиющего в пустыне. Потому что чего ни коснись: проблем с Россией, Украиной, Белоруссией, — все это совершенно не существует в нашей политике. На это очень много причин. Прежде всего глубокое невежество. Если говорить о России, то преобладает отношение либо подобоострастное, либо презрительное. Но мы не знаем ее истории, я не смог бы найти в Польше и десятка специалистов, которые знают Россию и занимаются ею.

- И понимают Россию.

— Да-да... Это дело нелегкое. Кроме того, существует инерция. Возьмем, например, украинский вопрос — очень болезненный. Наверняка есть взаимные счеты — хотя бы эта резня на Волыни: это очень мрачный и особенно неприятный период. Но если вы сравните польско-немецкие отношения, то там вообще было море крови, это вещи совершенно несравнимые. А общество сегодня начинает примиряться с Германией. Это настроения, которые я не мог бы назвать пронемецкими, но они ведут к установлению добрососедских отношений.

- Отношения с Украиной обросли мрачной литературой. Можно ли найти какой-то выход из этого положения?

— Трудно сказать. Если говорить о литературе, то в Польше этой темой занимается Одоевский. Не очень вижу, кто еще. Лободовского уже нет в живых. Прежде всего, однако, дело в невежестве. Мы совершенно не знаем истории Украины и украинско-польских отношений. Или же знаем историю абсолютно фальсифицированную... Отношение к украинцам... Казалось бы, такая хорошая традиция — отношения Пилсудского с Петлюрой. Теперь сняли — собственно говоря, это была моя инициатива — фильм о Петлюре, который, как мне кажется, правдиво отражает эти отношения. В Польше не проявили никакого интереса к этому фильму, на Украине тоже не слишком заинтересовались. Наше осознание польско-украинских отношений ограничивается Хмельницким и ОУН. Мне казалось, что напоминание о Петлюре, который в определенном смысле возродил легенду украинского войска, в какой-то степени это изменит. Ведь в 1920 м украинцы сыграли огромную роль: оборона Замостья, разгром Буденного, деятельность генерала Безручко — это прекрасные страницы истории, совершенно

у нас не известные. И Петлюра как государственный деятель, даже оставив в стороне военные традиции, первым понял, что достижение цели потребует больших жертв. Если дело дошло до соглашения Украины с Пилсудским, то ценой этого было отказ от Восточной Малопольши. Это был шаг подобный тому, когда Польша отказалась от Львова и Вильнюса, очень болезненный для национального сознания, но необходимый для существования государства и нормализации отношений в этой части Европы. А украинцы этого не понимают. Не осознают, что Петлюра — это деятель, который может служить как определенный образец.

- Может быть, имеет смысл приглашать украинцев на стипендии в Польшу?

— Это уже делается, только в очень ограниченном масштабе. Например, в Перемишле существует Украинский культурный центр, возглавляет его директор Степень, который делает прекрасную работу. Но он почти неизвестен — просто потому, что у них нет денег.

- Мне представляется, что знакомство с культурой соседних народов, хотя бы через СМИ, может привести к контактам в других областях...

— Так и должно быть... Но этому придают слишком мало значения. Например, в Хайнувке [городок в восточной части Польши. — Пер.] ежегодно выступают православные хоры — это уровень мировой культуры, а не только европейской. Это настоящий феномен. Польское телевидение показало только маленький кусочек. И хотя я бил тревогу, обращал внимание на то, что это очень важно уже не столько с политической, сколько с чисто культурной точки зрения, — людей это не заинтересовало. Очень трудно это переломить.

- Сколько нужно времени, чтобы произошло восстановление польской государственности?

— Шансы есть, только я опасаюсь, что они останутся неиспользованными. Это же требует усилий. Хотя бы в вопросе польско-российских отношений, которые для нас очень важны. Несомненно, вопрос независимости Украины и Прибалтики для нас принципиален, но и нормализация польско-российских отношений крайне важна. И здесь можно многое сделать. Нужно принять во внимание, что у нас в России есть большой капитал симпатии, в особенности, если говорить о российской интеллигенции. Например, то, что у кого-то в жилах течет польская кровь, какой-нибудь предок в семье, — это для русских отличие, люди этим хвалятся. Доходит до смешного: например, когда во время войны в России формировалась польская армия, которую создавал генерал Андерс, то к ней были приставлены энкаведешники, а подбирали на эту роль людей, которые знали польский язык и были поляками по происхождению. И был такой полковник Соколовский, который выполнял свои обязанности довольно тщательно, но дружелюбно: он сознавал, что должен относиться к польским делам позитивнее, чем это предписывалось инструкцией. Это отношение, конечно, можно использовать, но оно как раз не используется.

Что касается их интереса к Польше, то я по собственному опыту знаю, что в России исключительно по личной, а не по государственной инициативе издаются переводы польской литературы — прекрасные переводы Гомбровича, был издан «Иной мир» Герлинга-Грудзинского, выходит Чапский — «На бесчеловечной земле», даже собираются издать Свяневича «В тени Катыни». Это их собственная инициатива. Это важно. Теперь в России открыли Михаила Геллера — выходит полное издание его произведений по-русски, там собраны все статьи, публиковавшиеся в «Культуре». Выпускает это издательство МИК, книги рекомендованы для вузов. Это очень важно, а никто об этом не знает. Между тем самая важная книга Геллера — «История Российской империи» — до сих пор не издана в Польше, хотя, например, в Венгрии вышло уже два издания, так как венгры поняли значение этой работы, а мы — нет. Этим изданием могло бы, например, заняться ПВН [Польское научное издательство]. Но для этого надо сделать небольшое усилие.

В Белоруссии, например, положение очень нехорошее, я наблюдаю его с огромным беспокойством, но все-таки если хочешь что-то сделать, то возможность для этого есть. Два месяца назад там вышел первый номер «Культуры» по-белорусски — с их статьями, но и с переводами статей Меровского и других. Это издание вышло официально, оно есть в продаже, его можно купить в киосках. В масштабе Минска, Белоруссии тираж даже довольно большой, достигает полутора тысяч экземпляров.

А если говорить о польско-российских отношениях, то наконец удалось возобновить издание «Польши». В свое время был такой журнал, впоследствии закрытый, поскольку не нравился ни нашей партии, ни советчикам. Теперь это издание восстанавливается под названием «Новая Польша», главным редактором будет Ежи Помяновский. Наконец-то наши власти поняли необходимость существования такого журнала. Надеюсь, он сыграет свою роль.

- Зная упорство Помяновского, полагаю, что это получится.

— Да, надеюсь. Дело не только в упорстве — прежде всего имеют значение талант редактора и знание предмета. Он действительно знает Россию, и я надеюсь, что как редактор он окажется на высоте. Я возлагаю на этот журнал очень большие надежды. Это то, что мы можем сделать, но это капля в море.

Так, например, когда был создан Белостокский университет, удалось, хоть и с большим трудом, добиться, чтобы там была открыта кафедра истории и культуры Белоруссии. Я убежден, что эта кафедра должна стать Пьемонтом независимой и национальной белорусской мысли. Надеюсь, что дело пойдет. И наконец открылся первый в Польше факультет православного богословия. Это сделано главным образом с мыслью о белорусах. Белорусов приглашают туда читать лекции и вести семинары, для них это служит и материальной поддержкой.

Я всегда говорил, что нужно делать ставку на культуру — это дает самые эффективные решения политических проблем. Это очень важно. Возьмем хотя бы последнее празднование годовщины Мицкевича — Белоруссия вложила в торжества гораздо больше, чем Польша: отремонтирован музей в Новогродке, в Минске поставлен памятник Мицкевичу, издан «Пан Тадеуш» — замечательное издание в прекрасных переводах, на трех языках: по-польски, по-русски и по-белорусски. И одновременно господин Лукашенко закрывает польскую школу в Новогродке, угрожает распустить Союз поляков в Белоруссии и так далее.

- Да, верно, но господин Лукашенко — дело преходящее, а культура остается.

— Поэтому это так важно. То же самое в Литве. Везде есть очень хорошие начинания, только нет сознательной политики, которая бы это направляла. Это все отдельные островки, не очень между собой связанные. Ведь до сих пор в Польше нет, хотя это уже обсуждалось, центрального органа, который бы занимался делами национальностей: все это разбросано по разным министерствам и учреждениям. Все они что-то делают по собственному разумению, но область их деятельности не определена, и на этой почве все время возникают конфликты. Надеюсь, что в конце концов будет принят закон, который позволит создать орган по делам национальных меньшинств; он мог бы всеми этими проблемами заниматься централизованно, и для него была бы определена область деятельности.

- Тысячи людей в Польше говорят, что воспитывались на «Культуре». Но результатов что-то не видно...

— Все не так уж плохо. Только нет последовательности. Если я выступаю с какой-то инициативой, то многое получается. Не могу пожаловаться на президента Квасневского, который, когда речь идет о делах на востоке, а в особенности о польско-украинских отношениях, все это понимает и действует в нужном направлении. Все несчастье в том, что мероприятия на высоком уровне — на уровне президентов, премьеров — проходят замечательно, все время происходят какие-то встречи, делаются какие-то заявления, но чуть ниже уже ничего этого нет. Есть или саботаж, или нежелание, ничего не доводится до конца на исполнительском уровне. Что с того, что очень торжественно открыли Польско-литовский фонд — это сделали Квасьневский и Бразаускас, — раз у него нет денег. Этот фонд существует на бумаге. У Литвы денег нет, а у Польши либо нет, либо она не может ими распорядиться. Но если довести какие-то дела до конца, то можно что-то сдвинуть. В результате госпожу Внук-Назарову, министра, на которую так нападают — и, по-видимому, правильно, — удалось все-таки убедить в необходимости «Новой Польши». И нужно признать, что она очень порядочно поступила: зная, что уходит с поста, организовала и подписала дотацию для журнала. Но за этим все время надо следить и доводить до конечного результата.

- В этом все же большую роль могут сыграть СМИ.

— Разумеется. Суть в том, чтобы СМИ действительно имели возможность сыграть эту роль. Встречаются очень правильные и разумные статьи в отдельных журналах, но конкретной политики, общей концепции, которую бы эти журналы проводили в жизнь, не существует. Я совершенно этого не вижу. Это всегда островки, их к тому же атакуют какие-то черносотенцы, выплескивающие неслыханные глупости.

Моя идея-фикс, например — и это было бы крайне важно — канонизация папой митрополита Андрея Шептицкого. Это деятель, который сыграл огромную роль в жизни Украины вообще и прежде всего во время последней войны, когда он выступал в защиту как евреев, так и поляков. Это, несомненно, его великая заслуга. Но удастся ли это осуществить, я не уверен. Потому что есть большое неприятие этой идеи, притом в Польше. Предполагаю, что если бы все же удалось это провести в жизнь, то на Украине отзвук был бы большой...

Но таких дел много на каждом шагу. Например, православие: помимо того, что это религия наших соседей, это религия значительной доли польских граждан. И ведется какая-то идиотская борьба с православием — в самой Польше, где имело место дело Супрасля [монастырский комплекс, ставший в 90-е предметом спора между католической и православной Церквями], и вся политика Ватикана по отношению к России, миссионерство,

обращение в католицизм... Это совершенное безумие, навязчивая идея Ватикана. Ну ладно, пусть они этим занимаются, но не руками же поляков... Архиепископ не должен этим заниматься, его дело — поляки в России, верно? А не обращение православных. Это ненужное обострение, тем более сейчас, когда православие в России начинает играть все более значительную роль... Но это трудно понять. А это должно быть понято на любом уровне.

Например, на сегодня мы имеем балканский конфликт, в Косове. Не вдаваясь в детали, я считал, что в польских частях, которые будут там находиться, должен быть и православный священник, поскольку сербское население в основном православное. Чтобы подчеркнуть веротерпимость поляков. Отвлекаясь от политической стороны проблемы: так как эти действия носят характер гуманитарной помощи, вам не кажется, что польский ПЕН-Клуб должен прийти на помощь сербскому ПЕН-Клубу? Там были выдающиеся сербские писатели, очень близко с нами сотрудничавшие. И еще раз — не касаясь политического аспекта, это вопрос культурных связей, проявление некоего либерализма. У нас, впрочем, существуют прекрасные традиции в этой области: есть такой сербский журнал «Книжевна речь» — я еще в прошлом году получал очередные номера. Они когда-то публиковали много подпольной польской литературы, она их очень интересовала. Чисто личные контакты всегда имеют большое значение.

1: ВИТКАЦИЙ ПО-РУССКИ

18 сентября 1939 г., узнав о вторжении Красной армии в Польшу, покончил с собой один из самых значительных польских писателей нашего века — Станислав Игнаций Виткевич (псевдоним — Виткаций). Критик массовой культуры, осознающий угрозу, порождаемую анонимностью и идеологизацией жизни, проявлением которых стали современные тоталитарные системы, он не питал иллюзий насчет будущего Польши, попавшей одновременно в тиски нацизма и коммунизма. В таком мире, основы которого он успел описать в своих пьесах и романах, Виткаций жить не хотел.

После войны его творчество, поначалу запрещенное, стало приобретать все большую популярность как в Польше, так и на Западе. Высокой оценки заслужило его критическое отношение к миру, в котором истребляются гуманистические ценности и единственной ценностью объявляется непосредственная полезность. В Польше особое значение придавали тем произведениям Виткевича, где он анализировал возникновение и функционирование механизмов тоталитаризма, хотя не оставалось без внимания и то, что он сделал в области живописи и философии.

Сегодня, спустя 60 лет после смерти писателя, создается впечатление, что о Виткевиче забыли. Эссеист Роман Павловский в посвященной этой годовщине статье в «Газете выборчей» подчеркивает, что в 90-е годы пьесы Виткация практически исчезли из театрального репертуара. «Почему, — спрашивает критик, — польский театр, который во второй половине 60-х, а затем в 80-е (...) восторгался драмами Виткация, давая по десять премьер в сезон, сейчас играет их на школьных утренниках? Кто вырвал зубы у автора самых скандальных и нецензурных пьес межвоенного двадцатилетия? (...) А ведь именно 1989 год, возрождение — спустя полвека — свободного рынка, либеральной идеологии и капитализма создали благоприятную для Виткация атмосферу. (...) Сегодня драмы Виткация больше других говорят о действительности и могут обойтись без комментариев. И что же? А ничего. Театр этого нового лица Виткация не заметил».

Однако его, видимо, заметил переводчик Виткевича на русский язык Андрей Базилевский, который в тот самый день, когда была опубликована вышеупомянутая статья, подарил редакции «Новой Польши» сборник «Дюбал Вахазар», куда вошли семь наиболее характерных пьес Виткация. Возможно, после периода популярности польского катастрофиста на Западе мы станем свидетелями его открытия там, где родилась его социальная чуткость, сформированная, в частности, личным опытом свидетеля большевистского переворота. Составленная Базилевским и Исаевым книга, вышедшая в московском издательстве «Вахазар», представляет творчество Станислава Игнация Виткевича необычайно компетентно, открывая тем самым его произведения новому кругу читателей.